

СИЛА ЗА КОТОРУЮ
ПЛАТЯТ ДУШОЙ

КОЩЕЙ

СЛАВЯНСКОЕ ФЭНТЕЗИ

Софья Ознобишина

Софья Ознобишина

Кощей

<https://litres.ru/74668657>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бессмертный: Поступь черного льда

Оболганный братом и отвергнутый отцом, княжич Белояр был изгнан из дома. Шагнув за кромку болот, он отдался Нави. Богиня стужи Морена вынула из груди живое сердце, заковав смертную искру в булатную иглу на краю света. Лишенный боли и страха, герой восстал бессмертным владыкой — Кощеем, чьей воле покорны мороз и навьи волки.

Но резню на отчем дворе отвергла тьма. Мертвые не гнут колен, а прах не знает поражения. Оставив огни родного терема, Белояр ведет хищную стаю на восток — к неприступным валам Черногорского городища. Он намерен покорить земли чужих князей и взойти на престол, заставив предавшую семью молить о мире в пыли под сапогами.

Но пророчество Морены живо: однажды черный лед дрогнет, и колдун вззоет от тоски по теплу...

Славянское темное фэнтези о падении смертного мужа, рождении самого грозного владыки древних преданий и цене абсолютной власти, за которую платят собственной человечностью.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Софья Ознобишина

Кощей

Глава 1

"Холодное Семя"

Листопад осыпал порубежный деснец красной медью. Земля под ногами коня стыла, бралась по утру колким, ломким ледком, а воздух пах прелой дубовой корой, дымом далеких костров да горькой полынью. Осень не прощала слабости: птицы уже унесли тепло в Ирий, и над частоколом отчего городища низко висело тяжелое, свинцовое небо.

Белояр сидел во главе длинного дубового стола в гриднице. В очаге трещал сухой ясень, бросая багровые отсветы на кольчужные кольца, на тяжелый пояс с серебряными бляхами — знак высокого, знатного корня. Перед ним в глиняной корчаге дымилась распаренная полба с сушеными белыми грибами и кусками жирного вепрячьего сала, на деревянном блюде лежали ломти кислого ржаного хлеба да печеная репа. Братина с крепким хмельным медом остывала нетронутой: Белояр не любил хмеля, когда мысли требовали остроты булата.

Напротив сидел седой сотник Ратибор. Старик шумно дул на горячее варево, ломая хлеб темными, жилистыми пальца-

ми, покрытыми старыми рубцами от хазарских сабель.

— Неспокойно на порубежье, Белояр, — глухо проговорил сотник, подняв выцветшие глаза. — Соседи зубы точат, по лесам разбойный люд сбивается. Князь прислал сборщиков за данью — зерно требуют, шкуры бобровые, воск. А люди шепчутся: земля в этом году пустая, отдадим последнее — к весне лебеду жрать станем. Не ко времени ты железо куешь, ой не ко времени.

Белояр медленно положил костяную ложку. Его лицо, резкое, породистое, словно высеченное из серого камня, не дрогнуло ни единым мускулом. Лишь темные глаза, глубокие и холодные, сверкнули в полутьме гридницы.

— Пусть жрут лебеду, если не умеют брать чужое, — ровно ответил он. Голос его звучал негромко, но тяжесть в нем была такой, что пламя в очаге будто припало к углям. — Дань князю отдадим сполна. Но отдадим не свое. Соседние веши богаты скотом, а у вельможного Радомира амбары ломятся от пшеницы.

Ратибор нахмурился, положив ладонь на край стола:

— Радомир под княжьей рукой, Белояр. Это кровь. Это междоусобица. За такое боги отвернутся, а князь придет с дружиной и пепел по ветру развеет. Твой отец держал мир сорок зим...

— Мой отец сгнил в этой норе, довольствуясь крохами с княжьего стола! — Белояр резко подался вперед, оперевшись кулаками о столешницу. Рукава его кафтана из тонкого

заморского сукна дрогнули. — Он кланялся каждому послу, считал медные гривны и молил Перуна о дожде, пока другие забирали волости и золото! Я не стану сторожевым псом на чужом пороге, Ратибор. Власть берется не мольбами. Она берется волей и сталью. Мне мало этого клочка земли, зажатого меж двух болот.

— Власть, купленная не по праву, обращается прахом, сын мой, — тихо, с горькой усталостью сказал сотник. — Богатство без благословения богов — могильный камень на шее. Ты глядишь вдаль, а под ногами у тебя живые люди.

— Живые люди — лишь глина, — усмехнулся Белояр, и в этой усмешке впервые мелькнул тот страшный холод, который спустя века заставит содрогаться весь подлунный мир. — А я вылеплю из нее то, что простоит века. Седлай коней на полночь, Ратибор. Мы возьмем то, что должно принадлежать сильным. Сотник тяжело вздохнул и вышел во двор, скрипнув тяжелой дубовой дверью, а сквозь щели в бревенчатых стенах потянуло сырым сквозняком.

Белояр остался у стола один на один с остывающей братиной и пламенем. Из тени за печью, где висели связки сушеного чеснока и лука, неслышно шагнул человек. Это был Мирослав — сын кузнеца, выросший с Белояром на одном дворе. Они вместе мальчишками лазали за диким медом, вместе пускали первые стрелы по уткам на затонах. Лишь у Мирослава руки были черны от вечной вьевшейся окалины, а плечи широки от тяжелого молота, тогда как ладони Белояра

знали лишь рукоять меча да узду.

Мирослав подошел к столу, не кланяясь. Взял ломоть ржаного хлеба, густо посолил его серой солью из глиняной солонки и сел на лавку напротив.

— Ты с огнем играешь, Белояр, — тихо сказал кузнец, глядя в лицо названому брату. — Старший твой брат, Ярополк, на княжьем совете сидит по правую руку от отца. Ему достанутся и золотая гривна, и отчий терем, и дружина. А ты в спину толкаешь людей на чужую кровь. Думаешь, если добудешь серебро Радомира, отец назовет тебя первенцем? Не бывать тому. Обычай крепок: младшему — конь да лук, старшему — стол да земля.

Белояр медленно повернул голову. Взгляд его был неподвижен, как стоялая болотная вода под первым льдом.

— Обычай придумали те, кто слаб духом, Мирослав. Чтобы беречь то, что не способны защитить силой. Ярополк мягок, как весенний ил. Он пьет заморские вина и кланяется старейшинам, а придет мор или вражья конница — спрячется за спинами холопов. И ему достанется стол? Ему — право повелевать тысячами?

— Он твой брат по крови, — нахмурился Мирослав, сжимая в кулаке недоеденный хлеб. — Боги дали ему первородство. А ты... в тебе горит такая жажда, что пепел вокруг сыплется. Сколько раз я ковал тебе наконечники для стрел, столько раз видел: ты не на зверя целишься, ты метишь туда, где власть. Зачем тебе столько золота, Белояр? Разве не до-

вольно нам охоты, тепла в избе, да доброй девки у очага?

Белояр усмехнулся — сухо, без тепла, подняв серебряный кубок и наконец пригубив темный мед:

— Тебе довольно, Мирослав. Потому что твоя мера — горн да наковальня. А моя мера — весь этот край. Я не стану младшим псом, грызущим кости под столом Ярополка. Я хочу, чтобы передо мной склонялись князья. Чтобы само золото текло в мои лари, как весенний паводок в реку. Я возьму то, в чем мне отказали при рождении. И если боги слепы к моей силе — я найду тех, кто зряч.

Мирослав посмотрел на него долго, с затаенной тоской. Он знал этот взгляд Белояра с детских лет: когда тот падал с коня, ломая ребра, но не ронял ни слезинки, поднимаясь и снова взбираясь в седло назло боли.

— Я пойду с тобой на земли Радомира, — глухо уронил кузнец, поднимаясь. — Не ради чужого серебра. А чтобы заслонить твою спину, когда стрелы полетят из темноты. Но помни, Белояр: железо, перекаленное в слишком жарком огне, становится хрупким. Оно не гнется — оно раскалывается на куски.

Глава 2

"Вкус пепла и первой крови"

Ночь дышала сырым холодом болот. Черные кроны вековых дубов смыкались над головой шатром, сквозь который лишь изредка проглядывал ущербный месяц — бледный, острый, точно костяной серп Морены. Копыта вороного жеребца Белояра мягко тонули в примерзлом мху. За его спиной, стараясь не звенеть оружием, бесшумными тенями скользили полтора десятка отчаянных сорвиголов — те из младшей дружины, кого Белояр прикормил надеждой на богатую поживу, да угрюмый Мирослав, ехавший чуть позади на тяжелом битюге.

Воздух стал гуще, когда они подошли к границе земель вельможного Радомира. В низине, за частоколом у сонной реки, раскинулась богатая весь. Оттуда сладко тянуло сытостью жилья: сушеным укропом, свежеиспеченным ячменным хлебом, навозом сытых коров и топленным бараньим жиром. То была сытость, которой отцовское порубежье не знало уже третью зиму.

Мирослав тронул поводья, поравнявшись с конем Белояра. От дыхания кузнеца в морозном воздухе поднимался густой пар.

— Белояр, стой, — вполголоса проронил он, хватая друга за рукав суконного кафтана. — Глянь на выселки. Ог-

ни погашены, сторожа дремлют. Тут же бабы, старики да малые дети. Радомир держит в амбарах хлеб, но разве по совету воровать, как тати в ночи? Возьмем скот — поднимем княжью рать. Отец не простит.

Белояр медленно высвободил руку из хватки кузнеца. Его лицо в бледном свете месяца казалось выточенным из речного голыша — без единой морщины жалости, без тени сомнения.

— Совесть — удел тех, у кого полны закрома, Мирослав, — голос Белояра прозвучал тише шелеста сухой травы, но в нем звенела сталь. — Отец простит, когда я брошу к его ногам обозы с зерном и серебряные гривны. А не простит — его воля больше ничего не будет стоять на этом берегу. Нам не нужен скот. Мы заберем клетки с мехами и то, что спрятано в погребах Радомирова тиуна. Стрелы на тетиву. Огня без нужды не пускать.

Они ворвались в городище без клича.

Тишину разорвал сдавленный хрип сонного дозорного, рухнувшего с бревенчатого заплота с железным наконечником в горле. А следом началась сухая, жестокая работа. Люди Белояра сбивали кованые замки с клетей, выволакивали тюки с драгоценными бобровыми шкурами, кадки с теплым медом, холщовые мешки с тяжелой озимой рожью.

Из сеней главного дома выскочил сам тиун — грузный седой мужик в расстегнутой шубе на овчине, с коротким боевым топором в руке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.